

С. И. ГОЛОД,

директор Санкт-Петербургского филиала Института социологии Российской академии наук, доктор философских наук, профессор

СЕМЬЯ И ЛИЧНОСТЬ: РАЗМЫШЛЕНИЯ СОЦИОЛОГА

В начале 60-х годов XX столетия известный американский социолог У. Гуд подметил парадоксальный факт. Он говорил, что хотя в области социологии семьи проведено исследований больше, чем в какой-либо другой значимой отрасли, однако лишь в немногих из них содержатся попытки теоретических изысканий. Действительно, нередко все сводилось к одной лишь разработке техники социальной инженерии с тем, чтобы помочь людям решать те или иные практические задачи (например, как избежать супружеских конфликтов). Против такой направленности не возразишь, но надо помнить, что эффективность рекомендаций непосредственно сопряжена с наличием концептуальных построений. В известной мере развивает и дополняет высказанное соображение другой американский исследователь — П. Бергер. Некоторые социологи, с его точки зрения, настолько увлеклись методологическими проблемами, что утратили всякий интерес к обществу. “В результате ни в одном аспекте социальной жизни они не могут найти ничего существенного, поскольку в науке, как в любви, концентрация на технике ведет к импотенции”. Лучшая иллюстрация высказанного суждения — современное состояние российской социологии семьи. Впрочем, об этом речь впереди. Отчасти согласимся с еще одним тезисом У. Гуда. Здесь речь идет о его замечании по поводу прохладного отношения классиков социологии к институту семьи. В самом деле: ни К. Маркс, ни М. Вебер, ни В. Парето не исследовали семью. Э. Дюркгейм только мельком рассматри-

вал ее как часть социальной структуры. Однако верно и следующее. Начиная со второй половины XIX века, теоретические проблемы семьи так или иначе находились в поле зрения ряда первоклассных антропологов и социологов. Убежден, что достаточно будет напомнить имена Л. Моргана, Ф. Энгельса, М. Ковалевского, Ф. Ле Плэ, Б. Малиновского и П. Сорокина.

Говоря без обиняков, высказывание У. Гуда по поводу малой теоретической продуктивности социологов семьи главным образом относится ко второй половине XX столетия. Действительно, на рубеже веков семья являлась объектом социокультурного анализа целой плеяды первоклассных специалистов, в то время как после Второй мировой войны наиболее талантливые исследователи отдали предпочтение в приватной сфере изучению сексуальности. Смещение акцента интереса, вероятно, сопряжено с бессознательным, импульсивным стремлением крупных ученых проявить себя в неизведанной доселе области знания. Успешность реализации насущной потребности стала возможна вследствие кризиса иудео-христианского морального кодекса, обусловленного в конечном счете процессом интенсивной модернизации общества. Назовем лишь несколько имен: в США — П. Сорокин; во Франции — М. Фуко; в Германии — Н. Луман; в Англии — А. Гидденс.

Вместе с тем, думается, мы не погрешим против истины, если укажем на то, что и среди современных специалистов по проблемам семьи, образно выражаясь, имеются свои холмики, но, увы, не горные вершины. Например: У. Гуд в США, Ф. Кениг в Германии, Р. Флетчер в Англии, Л. Руссель во Франции, А. Г. Харчев в России. Что же объединяет названных исследователей? Во-первых, каждый из них в своей стране несомненный авторитет в рассматриваемой здесь отрасли социологии. Во-вторых, несмотря на разные дискурсные подходы (эволюционистские, истматовские, функционалистские и т. п.), они выражают активную обеспокоенность кризисным состоянием моногамии, ставя его (этот кризис) в прямую зависимость от глобальных социальных изменений.